Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Амазонки... Часть 1

Амазонки...
«Время — самый справедливый ресурс,
— его всем отпущено поровну».
Глава 1.
— 1-
У меня ужасно болела голова. И, вообще, состояние было как с перепоя, только я не помнил, чтобы пил. Если честно-то, совсем, ничего не помнил, и это беспокоило меня. Я не очень хорошо чувствовал своё тело, а попытка пошевелиться привела к новому взрыву боли и как следствие потери сознания.
Второй раз было проще. Боль ушла, нет, она не пропала, а затаилась где-то там внутри. Но, по крайней мере, попытка пошевелиться не привела к моему жёсткому «отключению». Я с трудом приподнял голову и огляделся. Судя по обстановке и преобладающему белому цвету, я был в больнице. В голове на задворках сознания промелькнула мысль:
Что? Опять ранен? — и тут же вернулась головная боль. — Сестра, сестрёнка... — сделал я попытку позвать, кого ни будь.
Услышал щелчок и бесплотный голос произнёс:
— Лежите и не пытайтесь шевелиться. Вы ещё не отошли от операции. Сейчас к вам подойдут.
— Ох, — простонал я сквозь зубы, — значит, ранен, — пронеслось в голове.
Но самое противное, что я абсолютно ничего не помнил. Тут ко мне подошла медицинская сестра, одетая, скажем так несколько странно и довольно фривольно, для больницы.
— Вот вы и пришли в себя, — буквально промурлыкала она.
— Что со мной? Я был ранен? — выразил я своё недоумение.
— Ранен? — удивилась она, — ну можно и, так сказать, — поправилась она.
— Когда и куда? — нервозно произнёс я.
— Что? — не поняла она.
— Ну, когда, где и куда меня ранили. Я что-то не вижу никаких бинтов, вот только голова болит. А-а... — воскликнул я, — меня контузило? Да?
— ... — энергично закивала она головой.
— А я-то, думаю, почему у меня голова разваливается...
— Вы совсем ничего не помните? — с некоторым нажимом произнесла она.
— Я кивнул. — Ну а как вас зовут? Где живете? Какой сейчас год?
Я заулыбался нелепым вопросам. И тут же улыбка сползла у меня с губ. Я не знал! Совсем ничего! Даже своего имени.
— Не помню... — признался я с глупой улыбкой. Если честно, то захотелось вдруг завыть «белугой» или разгромить здесь всё.
— Вот видите, — произнесла она неестественным голосом, — вы полежите, может, и вспомните что...
— Дайте мне что-нибудь от головы... хотя бы... — умоляюще прошептал я.
Она достала инъекционный пистолет и даже не глядя, приставила его к моей руке и нажала на спуск. Небольшая боль, у меня перед глазами всё поплыло и я, опустившись на подушку,

уснул.
— 2-
Следующее пробуждение было лучше. Голова перестала болеть, только там где-то в глубине притаился «буравчик», напоминая мне о ранении.
— Интересно, а в каком я госпитале? — промелькнула мысль, — и что это за город? На Ашхабад не похоже…
Тут меня осенило! Я вспомнил город, может, вспомню и кто я. Напрягшись так, что у меня прямо ощутимо закрутились в голове «шестеренки», заставляя «буравчик» с усиливавшей болью, впиваться в мозг я вдруг осознал:
— Меня зовут Иван, а фамилия моя Нефёдов и я командир разведроты… Только вот какой? Вдруг вспомнился бой и как рядом рванул снаряд и… Больше ничего… А было это в 2036 году…
Больше как мне ни хотелось, я не мог пока восстановить в памяти ничего. Окрылённый что мне удалось хотя бы это, я расслабился, и тут же накатила сонливость.
— Они меня, что успокоительным до бровей пичкают? — промелькнуло в голове, и я уснул.
Дальше было много легче. Голова не болела совсем, но вот с координацией движений была проблема. Мышцы не слушались. Чтобы что-то сделать приходилось контролировать весь процесс, перечисляя в уме те действия, которые я намеревался произвести. Я списал это на остаточные явления контузии хотя у меня было чувство, будто это не моё тело, как если я одет в чужую одежду она вроде впору, но не пообносилась еще и везде топорщится…
Через пару дней я уже стал вставать. Но был так занят, учась снова делать простые действия, что не обращал внимания на разные несуразицы. В другое время я уже давно бы начал «охмурять» медсестру в её странно-эротическом наряде. Этакие прозрачно-серебристые леггинсы, переливающиеся всеми цветами радуги, коротенькие шортики светло-голубого цвета и белоснежная блузка. Да ещё с таким декольте, что когда она нагибалась, мне был виден светлый кружевной лифчик, обрамлявший увесистые груди и красивая эротическая ложбинка между ними.
Но сейчас мне было не до этого. Я двигался и пытался вспоминать. Но дальше как отрезало. Я помнил, как разбирать и чистить автомат, метать нож, что такое и для чего нужна граната… Как причинить боль не умерщвляя допрашиваемого… Знал, как убить человека голыми руками, но ничего про свою прошлую жизнь. Хотя и помнил, что и как можно и нужно делать с девушкой. Однако дальше созерцания роскошных форм моей медсестры дело не шло.
В конце недели меня посетил лечащий врач. Это оказалась прелестная пышная женщина лет этак сорока.
— Ну и как дела, больной? — уточнила она.
— Хорошо доктор. Вот только проблемы с памятью. Ну и гулять меня не пускают. Ещё ни разу из палаты не выходил, — пожаловался я.
— Но ведь у вас здесь всё есть, — удивилась она, осматривая мою палату, — а там у нас карантин, — она покраснела. — И пока не стоит посторонним ходить, тем более раненным.
Я прекрасно видел, что она врёт, но вот почему не понял.
— И скоро, возможно, через несколько дней мы разрешим вам выходить. Ну, уж потерпите… — попросила она. — А память, — продолжила она, — будет постепенно восстанавливаться. Базовые рефлексы не потеряны, и вы скоро будете здоровы…
Её разговор никак не вязался с моими прошлыми посещениями госпиталей. Там военврачи

просто командовали, а здесь меня просят. Я заключил, что это просто больница, но не мог представить, каким образом я сюда попал. Простая больница и контуженый капитан... Странно это.

— 3-

А потом мне стало опять плохо. Я не мог ничего. Было впечатление, что мне в голову залили пару литров раскаленного свинца, и он плескался, вызывая боль и жар. Меня напичкали лекарством, и я лежал в полусне в полубреду. Мне чудились странные вещи и слышались непонятные разговоры. Тогда я считал, это естественным, а когда пришёл в себя, то всё забыл...

После этого последнего приступа я проснулся, чувствуя себя совершенно здоровым. На меня напал жор. Я ел, пил, спал и опять ел, но всё равно был голоден. У меня опять появились фривольные мысли в отношении моей сексуальной медсестры, и пришло большое желание. Мужики знают, когда изголодаешься по женскому полу, а тут — вот они... Но пока дальше разговора с сестрой не дошло: «Видит око да зуб неймет!».

И тут я обратил внимание на свои руки. Вроде как с ними было всё в порядке, но они были мягкими и розовыми, но на ладони левой руки отсутствовал шрам. Тот, который я заработал ещё в детстве, когда у меня в руке взорвалась бутылка с карбидом. После этого открытия я стал внимательно себя осматривать и когда решил осмотреть лицо, то обнаружил, что даже в ванной у меня нет зеркала!

Я сделал феноменальное «открытие» — для прямого переезда в дурку! Это тело не моё! Я не узнавал ничего! Впрочем, в большинстве случаев приходилось проводить исследование на ощупь, но ноги и свои гениталии я осматривал глазами. Так вот! То, что я увидел, привело меня в некоторый шок. Я никогда не жаловался на размер своего мужского достоинства, но то, что находилось сейчас у меня между ног, представляло собой монстра! Да и всё тело было гладенькое и розовое как у младенца. Складывалось впечатление, что я нахожусь в чужом теле!

Горько рассмеявшись оттого, что у меня, «поехала крыша» я сначала лег в кровать, укрывшись с головой, а потом стал нервно вызывать медсестру. Когда она пришла, потребовал у неё зеркало. Вы бы видели, как переменилось её лицо. Она побелела, а потом лицо пошло красными пятнами. Заикаясь, произнесла:

— А зачем вам зеркало? — Хочу побриться! — рассердился я.

— Это как? — удивилась она.

Я натужно рассмеялся, боясь, что впаду в буйство. Сдерживая истерический смех, прохрипел:

— Да вот, похоже, в психушку пора. Я, это не я! У меня чужое тело... Ты представляешь!

— А вы откуда это узнали? — с испугом произнесла она.

— Да вот догадался... — произнёс я, и вдруг очнулся, — как откуда? Это что, правда? Что вы суки со мной сделали?

Вскочил с кровати, чтобы допросить медичку поподробнее. Может быть, даже применив силу... Но она шустро выскочила, вон захлопнув пред моим «носом» дверь. Хоть я и знал, что не смогу её сломать я бросился на дверь и как последняя истеричка застучал кулаками в дверь, крича что-то матерное и «нелицеприятное» в адрес конкретных медиков и всей нашей системы здравоохранения в целом.

Но через пять минут успокоился и решил дождаться ответной реакции. То, что ответ последует, не составляло никаких сомнений. И когда через десять минут открылась дверь, то

я не удивился, что в палату влетели два спецназовца в полной экипировке и с незнакомым оружием на изготовку. Лица их закрывали шлемы с черными забралами. Впрочем, выглядели они не очень внушительно, но я был ещё не в «форме», и вряд ли мог дать им отпор, из положения лёжа... Ну а коли они применят оружие, то вообще... Шансов было ноль!

Так что спокойно лежал на койке «наслаждаясь» представлением. Увидев, что я спокойно лежу, они остановились, но не опустили оружия, направленного в мою сторону. Судя по характерному движению, связались с кем-то по встроенной в шлем гарнитуре. Почти сразу в дверь зашла моя «ненаглядная» медсестра и лечащий врач. Они выглядели несколько обескуражено и смотрели на меня со страхом.

— Что с вами случилось? — прерывающимся голосом спросила врач.

— А не пойти ли тебе в жопу, сука? — перебил я её, — или предпочитаете не «в» а «на»?!

Да вы что... больной?

Вы что, гады, со мной сделали? Где моё тело? — чуть споткнувшись, выдавил я из себя.

— Это долго объяснять, — уже спокойно сказала она, — дело в том, что Иван Нефёдов умер двадцать лет назад в возрасте 65 лет...

— А кто же тогда я? — подавленно удивился я.

— Вы? Иван Нефёдов... Но в то же время просто клон, которому по экспериментальной методике внедрили матрицу сознания того Ивана Нефедова. И если вы впадете в буйство, то вас просто уничтожат, — кивнула она на спецназовцев, — ежели всё пройдёт хорошо, и вы останетесь стабильны, то после обследования вас ассимилируют в наше общество, как равноправного члена. Дело в том, что клоны давно уже реальность жизни, но они не обладают сознанием взрослого индивидуума. Вы первый! И если у нас всё выйдет...

Говорила она, нервно подбирая слова и заикаясь. Тут-то я понял:

— Она не врет, но и не говорит всей правды. Скорее всего, на мне проверят новую методику и уничтожат за ненадобностью. Ведь я клон, стало быть, никто! И мне надо это принять и действовать, так чтобы не допустить своего уничтожения.

Сделав непонимающее лицо, я стал играть:

— Я? Клон? А чей?

— Конкретно, ничей. Вы плод генетической инженерии, созданный для определенной цели. Только нестандартный, а модернизированный экземпляр. Это я говорю про тело...

— И судя по всему, оно предназначалось для... — я помолчал, подбирая слово, — сексуальных утех?

— Этого-то мы менять не стали, — улыбнулась она, — зачем портить хорошее...

Я смотрел на неё во все глаза и отметил, как плотоядно и очень сексуально она облизнула губы.

— И, кстати,... А кто вы такая? Явно непросто доктор...

— Я главный специалист проекта «Возрождение»!

— 4-

Продолжая разговор, я спросил:

— Вы уже и до этого дошли? Что свои мужики-то не устраивают? Или их не хватает? — с иронизировал я.

— И, да и нет...

— Как это? — не понял я.

— Ну, они и есть наши мужики.

Я опять помотал головой, не понимая, к чему она клонит.
— Как это? Они и есть мужики? Клоны, что ли?
— Да... Всё очень просто. Была война, применили биологическое оружие, которое воздействовало на мужчин. Не сразу через год с небольшим. Лекарства от него не оказалось ни у кого. И у нас перестали рождаться мальчики. Они не рождаются уже более 50 лет. Мы научились выращивать клонов, но они не способны зачать мальчиков, только девочек. Искусственное зачатие то же не помогает. Мы можем только клонировать их... — она замолчала.
— А что изменилось сейчас? — задал резонный вопрос, понимая, что сейчас услышу главное.
— Прорыв... — коротко ответила она.
Не дождавшись моего вопроса, продолжила:
— Мы определили ген, отвечающий за возможность воспроизводства мальчиков... Испытания прошли успешно...
— Так, при чем здесь я?
— Их надо родить, вырастить, воспитать... Для этого надо время и воспитатели. Причем на определенном этапе мужчины. А у нас их нет! Нет... — поправилась она, — время как таковое есть, для следующего поколения. А что делать таким, как я? Да и, — уже доверительно зашептала она, — заниматься этим, — неопределённый взмах рукой в воздухе, — с клоном, интеллект которого остановился на уровне пятилетнего ребёнка... Не очень вдохновляет. Вы первый на ком удалась пересадка, внедрение чужой матрицы сознания.
— И много было... — я растерялся, не зная как назвать предшественников.
— Опытных образцов, — спокойно произнесла она.
Меня передёрнуло от отвращения к её спокойному: «опытных образцов»...
— Да, — продолжил я, — именно их.
— Здесь, вы десятый. Но мы не одни занимаемся проблемой. Но пока результата не было! И ваша вспышка агрессии, повергла всех в шок! Вы наша надежда на то, что всё наладится уже при моей жизни и мне не хочется уничтожать усилия своего труда. Но есть правила. «Если клон становится нестабильным, то он подлежит замене. Нестабильные клоны устраняют и утилизируют», — процитировала она.
Я задумался. Все остальные, вообще, молчали, слушая наш разговор.
— Итак? Что скажете?
— А как вы думаете, я должен был отреагировать на всё это? — осторожно начал я свою защиту, — клоны, другое время, отсутствие мужчин, да и, знаете, плоть даёт о себе знать... Гормоны, тестостерон зашкаливает...
— А почему вы про это не сказали? — удивилась она, — всё легко решается!
— У вас, может быть... Но в моё время это легко было решить на «улице» за деньги с проституткой, а не в больнице, когда тебя никуда не пускают.
— Но ведь медсестра к вам ходила?!
Я посмотрел на неё как на дуру. Если неполную, то полудуру точно.
— Я не из этого времени, лучше сказать, моё воспитание и апперцепция, скорее всего, основывается на знаниях и опыте того... человека, кем я себя считал.
— А вы и есть он, точная копия, за исключением тела. Вернее, были, но теперь получая новую информацию, становитесь другим...
— 5-

Всё это интересно. Я выяснил, что убивать меня пока никто не собирался, и ещё меня заинтересовала одна вещь. Набравшись наглости, переспросил:
— То есть если я хочу... девушку, то надо просто сказать?
— Да, — теперь она посмотрела на меня как на дебила, — а что здесь такого? Для женщины нужен, — она словно подбирала слово из моего лексикона, — секс, кажется... Но и для мужчины он важен. Отсутствие последнего для обеих особей ведёт к гормональному дисбалансу и потере контроля поведения, снижению трудоспособности и всякому такому... Так что здесь странного?
— ... — присвистнул я.
— Что это значит? — заинтересовалась она, услышав свист.
— Так просто, — отмахнулся я, — и что я могу даже выбирать?
— Конечно?! — удивилась она, — любой сотрудник охотно это сделает...
— ... — я было зациклился на словах «любой сотрудник», но вспомнил, что мужчин здесь нет, и облегчённо рассмеялся.
— Что смешного я сказала? — спросила она.
Я решил закатить пробный шар, заодно проверив, как несёт службу гарнизон охраны. Ткнув в ближайшую воительницу, произнёс: — «Гюльчитай! Открой личико?!» — эта фраза из старого фильма прямо всплыла в памяти.
Тишина. Все присутствующие переглянулись. У моего доктора поднялась в вопросе бровь:
— Она не Гюльчитай... И сейчас на службе. Но если ты хочешь, то её сейчас подменят...
— Нет. Не надо, — я просто спросил.
И улыбнувшись, добавил:
— А как насчёт вас доктор? Конечно, тело у меня молодое... — я осмотрел доступные мне участки, — но, судя по всему, мне не менее сорока! Я прав? — и посмотрел на врача. — И, кстати, как вас зовут?
Моё обращение, казалось, смутило её. Она покраснела, но ответила:
— Сорок три, когда сняли матрицу, но мы её попытались откорректировать до двадцати пяти. Это в пересчете на биологические часы — это же возраст тела, которое принадлежит сейчас вам. А меня зовут Хлоя.
— Просто Хлоя? Странное имя.
— Имя как имя. Сейчас многое изменилось...
— Так что Хлоя? — я сверлил её взглядом, — как тебе моё предложение? Или всё же надо написать заявку и утвердить её там, — я ткнул пальцем вверх.
Мне сейчас, конечно, было всё равно с кем «выпустить пар» но проснувшийся внутри разведчик-диверсант уже включился в игру и требовал «языка», причем знающего тонкости. А кто был лучше осведомлен о творившемся внутри, чем главные специалист?
— Мне можно встать? — вопросительно глянул я на охрану.
Они синхронно переглянулись и уставились на моего доктора. Под затемнёнными забралами масок ничего не было видно, но они явно ждали распоряжений. Хлоя взглянула на меня внимательно:
— Ты в порядке?
— Конечно, — быстро ответил я, — по крайней мере, таком какой возможен в данной ситуации.
Она помедлила несколько секунд и кивнула.в руки брюки и обомлел... Не зная смеяться мне

или плакать. Брюки были явно по размеру, только скорее их можно было назвать брючками... Женскими брючками! Заниженная талия, даже без примерки видно, что в обтяжку до самых колен, а ниже клёш! Ну, как у мореманов в моё время. Отложил их в сторону, взял рубашку. Та же картина, вытачки на груди, пуговки с другой стороны, и оборки с кружевами как у Людовиков каких-то из исторических фильмов. Вот галстук был нормальный. Их было даже два. Один простой, который надо завязывать, а второй на резинке.

С внутренним содроганием открыл второй пакет. Пахнуло нафталином, что ли. И на свет божий появился смокинг! Наверное, настоящий, я его никогда не носил, но сразу узнал. Блестящий из черного шёлка воротник, тонкая шерстяная ткань, шейная бабочка и белый платочек, сложенный уголком. Такие же темные брюки и манишка?!

Я повернулся к принесшей одежду даме и, показав на смокинг, произнёс:

— Это подойдёт, но нужна рубашка. А не женская блузка, — я взял в руки «белую рубашку», — а просто рубашка без всяких украшений и вытачек, — ткнув пальцем в швы на груди, показал я. — Манишка не пойдёт. Вдруг я надумаю снять пиджак!

— Понятно, — она вежливо кивнула, — вы пока примерьте, а я посмотрю, что можно сделать и вышла из комнаты.

— А вы вон! — повернулся я к охране.

Они, переглянулись и медленно пятясь, исчезли за дверью. Там же в пакете нашлись и трусы с носками. Такие же, как и те, что я снял, рельефно обрисовывающие мои немалые причиндалы. Пришлось махнуть рукой, правда, на теле они сидели очень удобно, а при необходимости легко тянулись... Брюки были в пору. Если бы ещё и ремень... Накинул пиджак смокинга, сидит как влитой. Брюки то же были впору.

— Теперь только обувь нормальную и рубашку... И можно, пожалуй, женихаться...

Воспоминание о формах Хлои возбудило. Пришлось сесть и отвлечься от фривольных мыслей, дабы не сверкать огромным бугром на штанах.

Пока я «охлаждался» вернулась модельерша. Она принесла почти такую же рубашку, но без рюшечек и вытачек, хотя пуговки и были справа.

— Эта подойдёт? — протянула она мне.

— ... — кивнул я, — а где вы смокинг взяли?

— В музее одолжили, на время...

— Мне надо похожий, но без шёлка, — я провел по воротнику, и пару брюк. А, кстати, где обувь?

— Ботинок, к сожалению, нет, — произнесла она, — даже берцы, твоего размера отсутствуют... А туфли ты явно не оденешь...

Я закатил глаза, представляя себя в «лодочках» и, заржал. Зашедшая вместе с ней охрана, тут же встрепенувшись, среагировала, но поняв, что я просто смеюсь, опять замерла.

— А мне ещё цветы надо, — вдруг вспомнил я, — и вино...

— Цветы?! — удивилась она, — ладно передам.

Как говорится: «С мира по нитке, нищему обновка!». Они явно не были готовы к бытовым проблемам. Казалось, всё просто, но в мире, ориентированном только на нужды женщин почти невозможно нормально одеть мужчину... А что же дальше будет? Судя по заявлениям местные «мужики» если не импотенты, то где-то рядом; а ухаживания за дамой? Я превращаюсь в носителя культурног шока и революции?! Новые открытия? Хотя давно известно: «Новое, это вариация хорошо забытого старого!».

Ещё ожидание. Наконец принесли вино, букет роз и сервировали стол.
— Хоть с этим у них проблем нет… — подумалось мне, всё это было грустным и вызывало жалкую улыбку, — хоть вино в стеклянной бутылке…
Нет мужчин, забыто ухаживание, нет нормальной одежды…
— 3-
Потом раздались фанфары. Конечно, они раздались у меня в голове, но выход Хлои был впечатляющий. Сначала появилась охрана и встала около двери, чуть ли не взяв на караул. Потом вплыла она. Именно вплыла в шикарном белом бальном платье. Подождав, пока я оценю её новый наряду, она произнесла:
— Задал ты нам головоломку! Мне пришлось добиваться на самом верху, чтобы нам выдали на время смокинг. А потом я искала, что надеть мне. Но в книгах сплошная путаница. Я хоть правильно выбрала платье?
— Ну, если я в смокинге и… тапочках, то, наверное, правильно. Они не смогли подобрать обувь. Размера нет!
— Сошьют на заказ, потом.
Я, взяв букет, преподнёс его Хлое.
— Это тебе, моя прелесть! — и поцеловал её в щёчку.
Она замерла, зарделась, и вопросительно посмотрев на меня, спросила:
— У вас так гостей встречали?
— Не гостей, милая! Даму! Та, которая пришла на свидание к мужчине.
— А разве я пришла на свидание? — удивилась она, — ты всё усложняешь… просто…
— Потрахаться? — сквозь зубы произнёс я.
— Потрахаться?! Странное слово.
Я схватился за голову.
— Трахаться, сношаться, совершать коитус, или переспать, — как тебе больше нравится…
— Я понимаю — это синонимы, но зачем так много, про одно и то же. Это же так просто… А у тебя так много условностей почти ритуал.
— А это и есть ритуал! Ритуал ухаживания за понравившийся мне женщиной.
— Зачем?
Её наивные вопросы ставили меня в тупик, и в то же время возбуждали.
— Давай я провожу тебя к столу, — взял я её за руку, — и не спрашивай зачем, — предвосхитил вопрос. — Да ты можешь сама дойти и сесть, но мне приятно оказать тебе любезность и помочь сесть за стол…
Когда мы подошли к столу, я отодвинул стул, помогая ей, устроится поудобнее.
— Вина? — произнёс я голосом метрдотеля.
— Немного, — она подняла пластмассовый бокал.
— Жаль, что нельзя чокнуться с хрустальным звоном… А у вас есть свечи? — наливая вина, произнёс я.
— Свечи? Лечебные?! Зачем тебе? Что-то болит?
— Нет, простые осветительные свечи, толстые такие, делались из воска.
— Воска? Пчелиного? — почти восхитилась Хлоя.
— Да. Ещё в них добавляли разные ароматизаторы… — вспомнил я.
— Но ведь есть же фонари, лампы…
— Со свечами уютнее… Особенно вдвоём! — и покосился на два столпа «законности»,

изваяниями замерших около двери.
— Давай выпьем за наше здоровье, — поднял бокал и, поднеся к её таре, чокнулся.
Глухой звук, как будто стукнулись две деревяшки сразу стих.
Шпаги звон, как звон бокала,
С детства мне ласкает слух...
напел я, делая глоток вина.
— Что это? — заинтересовалась она, отпив из своего бокала.
— Была такая песня...
— Про мушкетеров?
А мне вспомнилось опять: «Это было бы смешно, если не было так грустно... «.
— Нет, но типа того... Что ты, вообще, о моём времени знаешь и об отношениях мужчины и женщины в частности?
— Всё! — безапелляционно заявила она, — у меня три высших образования!
— Сомневаюсь, — тихо сказал я, допивая вино.
Поставил рюмочку на стул и вдруг меня качнуло. В голове помутнело.
— Что это? Опьянение? Странно... Раньше я мог выпить стакан водки, а потом отстреляться в тире на пять...
— С тобой всё в порядке? — вдруг произнесла Хлоя.
— Да... Я, по-видимому, опьянел с одной рюмки...
— ... — она охнула, потом рассмеялась, — а что ты хотел?! Новое тело, другой метаболизм. Тебе не стоит больше пить.
А меня уже понесло. Стало хорошо, тепло.
— Здесь музыка есть? Потанцевали... бы...
Она повернулась и, поглядев в сторону охраны, произнесла:
— Вы слышали. Организуйте.
Правый забормотал, что-то в микрофон. И уже через пару минут откуда-то полилась музыка. Не совсем знакомая, но приятная. Я, встал, напрягся сметая из глаз муть и, подошёл к Хлое.
— Вальс? Или просто потопчемся под музыку?
Она грациозно поднялась, и я обнял её, прижимая к себе. Мы закружились в танце. Движения были не знакомые, но ритмичные и возбуждающие. Когда музыка стихла я остановился, но вместо того, чтобы проводить Хлою к её месту прижал ещё сильнее к себе и поцеловал. Она замерла, дрожь пробежала по телу а потом мягко отстранилась.
— Зачем это? — прерывающимся шёпотом спросила она.
— Поцелуй...
— Я знаю что поцелуй, но он не такой...
— Конечно! Это поцелуй мужчины, а не женщины...
— Нет... Мужчина, женщина, мы люди, а меня словно током ударило! И до сих пор «мурашки по коже бегают»!
— Милая! В этом и есть разница... Ты рассуждала о гормонах и сексе, так вот это оно и есть...
— Но физический контакт?!
— Он может быть и главный, но без хорошей прелюдии нет прекрасного секса!
— Так продолжай, — выдохнула она возбуждённо.
Я покосился на охрану и сказал ей на ушко:
— Может быть, тебе и всё равно, но меня напрягают эти девицы у входа. Я не дурак и

понимаю что здесь всё напичкано электроникой. Но у меня и в мыслях нет причинить тебе зло. Пусть выйдут. Заскочить сюда секундное дело, а пока пусть там подежурят. Не люблю когда около меня «свечку держат»!

— Ладно.

Она повернулась и приказала «амбалшам», самая большая из которых была ниже меня на полголовы выйти. И повернувшись, произнесла:

— Я тебя опять не поняла. То ты хочешь свечку, то не любишь когда её держат?

Вздохнув, я просто заткнул ей рот поцелуем